

УДК 316.346.32-053.9:614.44

ЛЮДИ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА И СОЦИАЛЬНОЕ УЧАСТИЕ: ЯВНЫЕ И СКРЫТЫЕ ФОРМЫ, «СЛЕПЫЕ ЗОНЫ» И ТРАНСФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИЧЕСКОЙ И ПОСТПАНДЕМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Киенко Татьяна Сергеевна,
tskienko@sfedu.ru

Гнедышева Ирина Николаевна,
gnedyshevair@gmail.com

Южный федеральный университет,
Россия, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42

Киенко Татьяна Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Южного федерального университета.

Гнедышева Ирина Николаевна, студентка Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета.

Актуальность определяется тем, что за последние два года в условиях вынужденного сдерживания социальной активности людей старшего возраста, с целью предупреждения рисков заражения COVID-19, произошли изменения в предпочтениях и формах их социального участия. С 2022 г. наметился возврат к прежним «допандемическим» практикам участия людей старшего возраста, однако он происходит преимущественно без учета пандемического опыта и произошедших трансформаций культуры участия. **Цель:** обсуждение «слепых зон», явных и скрытых форм социальной активности россиян старшего возраста и трансформаций культуры участия, происходящих в пандемический и постпандемический период. **Методы:** метапарадигма критической геронтологии, системный и сравнительный подход, теория активного старения, метод анкетного опроса. **Результаты** позволяют говорить о трансформациях культуры участия пожилых россиян. Одни пожилые люди сократили свои коммуникации и мобильность или обратились к стратегиям неучастия в целях безопасного старения. Другие переключились на собственные интересы, интересы ближайшего окружения и локальных сообществ. Третьи активизировались, предложили новые формы участия и солидарности, обрели опыт противостояния ограничениям и адаптации в пандемическом и постпандемическом мире. При этом в социальной практике присутствуют скрытые формы социального участия людей старшего возраста (например, обращенные во внутрисемейные или локальные социальные пространства, реализуемые в рутинных практиках и не подвергающиеся рефлексии и оценке). Несмотря на то, что пожилые россияне вносят существенный вклад в жизнь своего ближайшего окружения, сообществ, территорий, они редко считают себя социально активными, что закрепляет стереотипы пассивной и непродуктивной старости. **Выводы:** обнаруженные «слепые зоны» в наших представлениях о мотивах, факторах, формах социального участия пожилых людей определяют новые вопросы и перспективные задачи для социологии старения и социальной геронтологии. Дальнейшее изучение различных форм социального участия в старшем возрасте, прежде всего качественными методами, может способствовать признанию вклада и повышению статуса людей старшего возраста, оптимизации и продуктивному использованию их потенциала не только в интересах семьи, локальных сообществ, но также в целях развития территорий, институтов гражданского общества, гражданско-патриотического воспитания молодежи и пр.

Ключевые слова: Люди старшего возраста, социальное участие, социальное неучастие, социальное вовлечение и вовлеченность, культура участия, пандемия COVID-19.

Введение

С весны 2022 г. в России наблюдается смягчение или полное снятие пандемических ограничений активности и мобильности людей старшего возраста. Происходит возврат к прежним «допандемическим» практикам включения людей старшего возраста в социальные процессы и отношения. При этом игнорируются вопросы трансформации культуры участия и готовности людей старшего возраста к социальному участию или неучастию в свете опыта переживания ими ограничений пандемии. В период вынужденного сдерживания социальных коммуникаций и мобильности произошли изменения в мотивациях, предпочтениях и стратегиях самореализации, организации свободного времени и социального участия людей старшего возраста. Адаптация к новым условиям жизнедеятельности, коммуникаций и активности в пандемическом и постпандемическом мире у пожилых людей происходила по-разному. В пространстве социологии старения и социальной геронтологии в настоящее время имеются лакуны в представлениях о современных формах, предпочтениях и мотивах социального участия людей старшего возраста как гетерогенной группы. Сказанное выше определяет актуальность анализа прежних и новых, явных и скрытых форм социального участия россиян старшего возраста с учетом пандемического опыта и произошедших трансформаций культуры участия. Целью настоящей статьи является обсуждение «слепых зон», явных и скрытых форм социального участия россиян старшего возраста и трансформаций культуры участия, произошедших в пандемический и постпандемический период в условиях вынужденного сдерживания социальной активности старшего поколения.

Социальное участие людей старшего возраста как ключевой тренд современности

В свете демографических и социальных изменений трендом последних лет стали идеи продуктивной и включенной старости, подходы в русле метапарадигмы критической геронтологии и концепции активного старения (в России – «активного долголетия»). В связи с этим все более желательным и востребованным становится образ современного активного пожилого человека, вовлеченного в различные практики социального участия. Социальное участие определяется как сознательное поведенческое участие в общественной деятельности, приносящее личное удовлетворение и ведущее к взаимодействию и обмену ресурсами с другими людьми [1, с. 68]; может включать различные виды совместной социально- и лично значимой деятельности на формальном уровне (участие в деятельности общественных, религиозных объединений, клубов, профсоюзов) и неформальном (самоорганизованные сообщества и инициативы). Социальное участие отличает сочетание таких маркеров, как активное сознательное и добровольное поведенческое участие в любых сообществах, межличностные взаимодействия, ориентация на помощь другим или создание социальных благ в интересах других людей (преимущественно за пределами круга своей семьи и друзей), совместное использование ресурсов, а также личная удовлетворенность от своей активности [1, 2]. Социальному участию противопоставляется замкнутый образ жизни, при котором человек не взаимодействует с другими людьми и сообществами и не стремится к этому, не получает помощи извне и не оказывает ее другим [1, с. 66], что можно обозначить как «социальное неучастие».

Социальное участие, как правило, инициируется «снизу» и реализуется в разных формах в диапазоне от причастности, пассивного вовлечения до активной поведенческой вовлеченности [3], коллективно и индивидуально, на постоянной и разовой основе [4, 133–135]. Социальное участие людей старшего возраста включает досуговые, спортивно-оздоровительные, образовательные, культурно-просветительские, творческие

практики [2, 5], волонтерские проекты [2], активность в социальных сетях [6], участие в решении проблем местных сообществ [7] и многое другое. Традиционно социальное участие связывают с выходом за пределы круга своей семьи и друзей, однако некоторые авторы относят к нему также помощь своей семье, уход за внуками, взаимодействия и совместные развлечения в группах друзей [1]. Социальное участие признается ключевым инструментом социальной интеграции и преодоления возрастных неравенств, фактором сохранения когнитивного, соматического, психологического, социального здоровья, благополучия, повышения качества жизни, самочувствия и самооценки в старшем возрасте.

Пандемия COVID-19 и трансформация культуры участия людей старшего возраста

В 2020–2021 гг. в связи с рисками пандемии COVID-19 реализация политики активного старения/долголетия как на международном, так и на национальном уровне оказалась под вопросом [8]. Вместо ориентира на активное старение и социальную включенность людей старшего возраста в социальные отношения и процессы, национальные правительства были вынуждены обратиться к стратегии ограничивающей заботы и к приоритету безопасного и здорового старения. В России в течение 2020–2021 гг. людям старше 65 лет рекомендовался режим самоизоляции, отказ от посещения публичных пространств и транспорта, объектов социальной, культурной, спортивной, досуговой, медицинской инфраструктуры и очной трудовой деятельности. Системы медицинского и социального обслуживания перешли в режим минимизации контактных форм взаимодействия (на дому, по телефону, онлайн). Предписания и тиражирование рисков коронавирусной инфекции для пожилых людей в СМИ привели к сокращению формальных и неформальных социальных контактов, пространств жизнедеятельности людей старшего возраста, снижению их физического и социального здоровья [9–13]. Публичные и приватные пространства (дом, социальное и медицинское учреждение, общественный транспорт, пространства потребления, культуры и досуга) стали оцениваться в первую очередь с точки зрения их безопасности, а не возможностей для активности, участия или дружественности к возрасту. Пандемия внесла коррективы в практики и стратегии социального участия старшего поколения.

Однако сами люди «65+» по-разному переживали и принимали ограничения, что в очередной раз подтвердило очевидную гетерогенность пожилых людей и недопустимость унификации мер социальной политики старения и социальной заботы. Трудоустроенные пожилые люди, часто контактирующие с родными, коллегами, друзьями, соседями, лидеры и активисты практик социального участия часто оценивали режим самоизоляции как угнетение, нарушение прав, выражали протест. Маломобильные пожилые получатели социальных услуг на дому или в условиях домов-интернатов почти не заметили изменений, поскольку и до пандемии жили практически в режиме самоизоляции и зависели от внешней помощи. Они еще реже стали покидать свои дома, обращаться за социальной или медицинской помощью и проявлять активность. Произошли трансформации образа жизни, повседневных практик, коммуникаций, установок и ожиданий части пожилых россиян, которые до ограничений были активны и мобильны. Так, некоторые прекратили трудовую деятельность, стали реже обращаться в поликлиники, перестали посещать улицы и парки, спортзалы и дома культуры, театры и музеи, магазины и рынки [14]. Установки на культуру участия в целях активного долголетия для части россиян старшего возраста под влиянием ограничений стали сменяться установками на культуру неучастия в целях безопасного старения.

В то же время, пандемия послужила стимулом к укреплению неформальных коммуникаций и форм семейной, соседской, дружеской поддержки. Дети и внуки стали чаще помогать своим пожилым родственникам; в домах-интернатах часть постояльцев вернулись в семьи. Сами пожилые люди в условиях социальной изоляции стали активнее реализовывать свой потенциал в интересах ближайшего окружения или собственного саморазвития. В условиях рекомендуемой самоизоляции появилась необходимость и расширился выбор форм опосредованного социального участия (с опорой на телефонные и онлайн-технологии, социальные сети и пр.).

Активность некоторых людей старшего возраста в ответ на вызовы COVID-19 даже возросла, появились новые инициативы и трансформировались прежние. Репертуар форм и направлений социального участия пожилых россиян в 2021 г., согласно данным исследований [15], весьма широк: от реализации собственных творческих и социальных интересов до деятельности в интересах своих семей, сообществ, городов и регионов; от участия в социокультурной, образовательной, информационно-просветительской, творческой, спортивно-оздоровительной и здоровьесберегающей деятельности до оказания бытовой, консультативной, коммуникативной и посреднической поддержки, развития территорий, экологического волонтерства. Характерно, что волонтерские инициативы возрастных активистов часто интегрируются с творческими, образовательными, культурными и пр., что связано со спецификой мотивации социального участия в старшем возрасте, сочетающей ориентацию на помощь другим, желание приносить пользу, быть востребованными и реализовывать в этой деятельности собственный потенциал.

Таким образом, для части людей старшего возраста вызовы пандемии послужили стимулом для активизации социального участия, усилили желание помогать другим, быть включенными в социальную жизнь, сохранять приверженность культуре участия. В результате были предложены новые формы и методы взаимопомощи и солидарности в условиях социальных вызовов и неопределенности, которые оперативно поддерживались общественными организациями, властью, грантодателями.

Предпочтения и самооценки социального участия людей старшего возраста с разным уровнем образования и условиями проживания (по материалам пилотного опроса в Ростовской области)

Весной 2022 г. на территории Ростовской области авторами был инициирован пилотный опрос методом личного очного анкетирования с применением гугл-форм, в котором приняли участие 129 людей в возрасте от 65 лет до 81 года. Опросник включал 20 вопросов, преимущественно полузакрытых; процедура представляла собой устный личный опрос по месту жительства респондентов или в публичных пространствах неподалеку от мест их проживания (парк, двор) с занесением ответов в гугл-форму интервьюером, с возможностью неформализованного обсуждения ряда открытых вопросов в ходе личного взаимодействия; в среднем опрос занимал от 20 до 40 минут. Целью являлось выявление предпочтительных форм социального участия людей старшего возраста, обладающих разными социальными характеристиками (образование и условия проживания), и определение самооценок своей социальной активности для последующего уточнения исследовательских инструментов и гипотез. Выборка – целевая квотная (с отслеживанием трех социальных характеристик – пол, образование, условия проживания). В числе информантов 66,6 % женщин и 33,3 % мужчин; 26 % имеют высшее и 74 % – среднее образование; 67,4 % живут в семье (преимущественно с супругами), 20,2 % – самостоятельно (одиноко), 12,4 % – в социальном учреждении (дом-интернат).

Большинство опрошенных отнесли себя к категории частично активных (53,5 %), свыше четверти (26,4 %) позиционируют себя как социально активные люди, 8,5 % не считают себя активными, 11,6 % затруднились ответить. Основными формами социального участия для большинства информантов выступают: семейно-бытовая (75,2 %), социокультурная деятельность (58,1 %), добровольчество (40,3 %), образование (30,2 %); менее 4 % указали сферы трудовой и общественно-политической деятельности.

Не реже чем раз в месяц две трети людей старшего возраста с высшим образованием и треть людей со средним образованием проявляют свою социальную активность в семье. Треть информантов со средним образованием оказывают помощь своим семьям в воспитании подрастающего поколения не реже чем раз в неделю, а две трети людей с высшим образованием – хотя бы раз в месяц. Каждый месяц люди старшего возраста оказывают посильную финансовую поддержку членам своей семьи (59,6 % информантов с высшим и 45 % со средним образованием). Две трети информантов независимо от уровня образования вносят свой вклад в жизнь своей семьи (включая супругов, детей, внуков, правнуков, других ближайших родственников) в форме советов, слов поддержки.

Социокультурная активность информантов организуется еженедельно самостоятельно дома (81,3 % информантов с высшим и 44 % со средним образованием) и в кругу семьи (65,5 и 31,9 % соответственно); реже – в условиях муниципальных учреждений СОН, культуры, досуга (46,8 % респондентов с высшим и 37,4 % со средним образованием), в кружках по интересам (40,6 и 23,1 % соответственно). В локальных практиках дружеской, соседской и семейной помощи участвуют не реже раза в месяц 71,8 % информантов с высшим и 56 % со средним образованием. Для людей со средним образованием значимыми является посещение религиозных учреждений (не реже раза в месяц, 21,8 %). Еженедельно самообразованием занимается 43,8 % информантов с высшим и 28,6 % со средним образованием. Также большое значение имеет вопрос организации образовательной деятельности других: не реже раза в месяц 37,5 % людей с высшим и 29,6 % со средним образованием принимают участие в обучении других людей, включая своих внуков.

Люди с высшим образованием проявляют более высокий интерес к самообразованию и социокультурной активности, особенно к публичным их формам. Например, каждый второй опрошенный с высшим образованием хотя бы раз в месяц посещает муниципальные учреждения, в то время как треть людей со средним образованием делает это раз в несколько месяцев. Это связано с их статусом и жизненным опытом, поскольку высшее образование, как правило, сопряжено с более высокой публичностью, признанием и коммуникативной нагруженностью профессии. Интерес в этой связи представляет расстановка ценностей: для людей с высшим образованием важнее всего здоровье, на втором месте – общественное признание, третье место делят активная деятельная жизнь и счастливая семейная жизнь. Информанты со средним образованием также поставили на первое место здоровье, но затем следуют продуктивная жизнь, счастливая семейная жизнь и счастье других.

Таким образом, с одной стороны, люди старшего возраста с высшим образованием более вовлечены в практики социального участия практически по всем направлениям. В то же время люди со средним образованием чаще вовлечены в заботу о членах своей семьи, воспитание внуков, посещают религиозные учреждения. Другими словами, отличия касаются не столько интенсивности, сколько целей и направленности социального участия, обусловленных статусом, жизненным опытом и ценностями. Пожилые люди с высоким образовательным статусом предпочитают сочетание семейных,

индивидуальных и внесемейных форм активности, они более ориентированы на самообразование и саморазвитие, публичность, внешнее признание и причастность, социальное участие в рамках собственных интересов. В то же время люди со средним образованием предпочитают более интимные, внутрисемейные и индивидуальные формы самореализации, чаще участвуют в заботе о членах своей семьи, воспитании внуков и пр., их активность носит латентный, рутинный и интимный характер.

К особенностям социального участия информантов, проживающих самостоятельно, в семье или в социальном стационаре можно отнести следующее. Все живущие самостоятельно пожилые люди постоянно занимаются самообразованием, среди проживающих в стационаре таких половина, в семье – немного более трети. Почти две трети живущих самостоятельно ежедневно организуют свой досуг дома сами, половина из них – не реже раза в месяц практикуют семейные формы активности, более трети стараются осваивать новые навыки с помощью своих близких, членов семьи. Проживающие в семье чаще участвуют в семейных взаимодействиях и уделяют время образованию других (в т. ч. младших членов своей семьи), но реже посещают муниципальные учреждения и кружки. Большинство жителей стационаров ежедневно принимают участие в тех или иных формах социокультурной деятельности, более половины каждую неделю посещают кружки и хотя бы раз в месяц крупные мероприятия.

Семейно-бытовые формы участия, такие как помощь в быту или в воспитании внуков, реализуют более трети пожилых информантов, которые живут в семьях. Материальную и нематериальную помощь своим семьям оказывают свыше половины из них. Среди самостоятельно проживающих людей более трети оказывают материальную помощь своим семьям и две трети – нематериальную; в социальных стационарах почти все оказывают своим семьям нематериальную поддержку. Пожилые люди, живущие самостоятельно или в социальных стационарах, чаще участвуют в локальных практиках помощи, занимаются благоустройством территорий своих домов и дворов и участвуют в группах по интересам, т. е. реализуют себя во внесемейных формах участия.

Любопытно рассмотреть распределение ценностей в данных подгруппах. Для проживающих в семье на первом месте стоит счастливая семейная жизнь, затем здоровье, далее продуктивная жизнь, на четвертом месте счастье других. В социальном учреждении первое место также занимает счастливая семейная жизнь, второе – здоровье, третье – свобода и четвертое – счастье других. Для самостоятельно живущих главным является общественное признание, далее следует счастье других, продуктивная жизнь и счастливая семейная жизнь. Общими мотивами активности для большинства информантов являются ответственность перед другими, стремление к самореализации, желание быть причастными к обществу. Однако если мотивами социального участия для «семейных» является ощущение ответственности перед отдельными людьми, а уже затем желание самореализоваться, то проживающие в стационарах испытывают стремление быть причастным к обществу, саморазвиваться и самореализовываться, а живущие самостоятельно стремятся прежде всего к самореализации, а уже затем испытывают ответственность перед отдельными людьми и долг перед обществом.

Таким образом, условия проживания накладывают свои особенности на возможности и желание включаться в формы социального участия. В семье пожилые люди имеют большую занятость и включены во внутрисемейные формы поддержки членов своей семьи, в то время как одинокие имеют меньше коммуникаций и в то же время располагают большим количеством времени для самореализации, саморазвития и участия, больше заинтересованы во внешних формах участия в интересах посторонних людей. Жители социальных стационаров не просто имеют больше времени на досуг и

меньше возможностей на взаимодействия с членами своей семьи, но и окружены организованными формами участия, в которые вовлечены ежедневно. Таким образом, можно сказать, что в семье у людей старшего возраста уровень социальной активности высок и направлен на внутрисемейные отношения, поддерживается за счёт разнонаправленности и многообразия семейных задач и интересов. Проживающие в социальном учреждении в основном вовлечены в мероприятия, которые организует учреждение, т. е. их участие носит скорее реактивный характер. Социальная активность самостоятельно живущих людей более избирательна и независима, направлена на себя, собственную самореализацию и саморазвитие.

Говоря о проблемах, с которыми сталкиваются люди старшего возраста в проявлениях социальной активности, опрошенные выделили состояние здоровья и ограниченность доступа в учреждения в силу здоровья, особенности своего образа жизни (занятость, территориальную удаленность от культурных центров и пр.), финансовые затруднения и высокую стоимость участия в интересных для них мероприятиях, а также недостаток информации о проводимых мероприятиях и отсутствие интересующих направлений досуга, занятий по интересам. Несмотря на то, что люди старшего возраста в жизни своей семьи, в социокультурной, образовательной деятельности, самообразовании, в жизни своих сообществ и пр., на вопрос «Считаете ли вы себя социально активным человеком?» большинство ответили, что относят себя к активным частично, пятая часть обозначила себя как активных, еще пятая часть либо затруднились ответить, либо ответили отрицательно. В процессе прохождения опроса информанты смогли посмотреть на свой вклад иначе, многие пересмотрели оценку собственной социальной активности в сторону ее повышения. Таким образом, люди старшего возраста зачастую не задумываются о том, что они каждодневно вносят свой вклад в жизнь общества, своих локальных сообществ и ближайшего окружения, в том числе через семейные формы участия.

Скрытые формы социального участия людей старшего возраста: «слепые зоны», новые вопросы и перспективные задачи для социологии старения и социальной геронтологии

Российские авторы поднимают проблему невысокой социальной активности людей старшего возраста [16]. В то же время социальное неучастие может демонстрировать не пассивность людей в старшем возрасте, а скрывать за собой латентную социальную активность в формах, традиционно не подвергающихся научной рефлексии, в том числе отражающих российскую или региональную специфику. Пассивность пожилых людей может быть кажущейся, мнимой, скрывать латентные формы участия, как и социальное участие может носить характер имитации, квазиактивности. Сами формы и практики участия и неучастия в старшем возрасте могут выражать широкий репертуар мотивов и формироваться совокупностью взаимосвязанных личностных, микро- и макросоциальных факторов. Участие и неучастие могут отражать самооценку, отношение к своему потенциалу и к окружающему миру; характер адаптационных ресурсов, жизненных планов и интересов. В то же время могут свидетельствовать о наличии или отсутствии возможностей выбора подходящих форм самореализации, явных и скрытых барьеров, отражать как удовлетворенность, согласие и гармонию с собственным статусом и социальным миром, так и протест против социальных обстоятельств.

Общеизвестно, что высокий образовательно-профессиональный статус прямо коррелирует с социальным участием в старшем возрасте [15, 17, 18]. Это свидетельствует о наличии латентных неравенств доступа к формам самореализации и развития

для людей, не имеющих высокого статуса или хорошего образования в прошлом. С другой стороны, наше исследование показывает новые грани этого вопроса. Так, люди с высоким образовательным статусом предпочитают сочетание семейных, индивидуальных и внесемейных форм активности, для них важна публичность, внешнее признание и причастность, что связано с их образовательно-профессиональным статусом в прошлом и жизненным опытом, с более высокой публичностью, признанием и коммуникативной нагруженностью профессии. В то же время люди со средним образованием предпочитают более интимные, семейные и индивидуальные формы самореализации и участия, склонны проявлять свою активность в неявных формах, в пространствах собственного дома, для них важно быть в кругу семьи, осуществлять поддержку близких в повседневных, рутинных практиках. Это заставляет пересмотреть наше понимание социального участия и социальной пассивности, их связей с образовательным и профессиональным статусом человека. Можно предположить, что люди старшего возраста с высшим и средним образованием отличаются не столько интенсивностью своей социальной активности, сколько целями и направленностью, обусловленными их жизненными ценностями и опытом.

Полагаем, что в социальной практике формы социального участия людей старшего возраста распространены гораздо более широко, чем принято считать. Некоторые зарубежные ученые не считают семейную, соседскую или дружескую взаимопомощь формой социального участия [19], в то время как в российской социальной практике бабушки и дедушки могут вносить весомый, регулярный, но не оцениваемый в формальных процедурах и исследованиях вклад в воспитание внуков (прародительский труд) [20] или вести уход за старшими и младшими членами многопоколенной семьи. Многие практики активности людей старшего возраста являются скрытыми, реализуются в естественных, рутинных процессах и отношениях, в интимных пространствах собственного дома, например, в виде советов, бесед, моральной поддержки близких людей, в форме физической помощи в быту, такой как уборка, стирка или готовка для членов семьи, забота о внуках, помощь в их обучении и пр. Российская специфика связана с глубокими традициями соседской и дружеской помощи, которые реализуются в городской и сельской местности по-разному и не сопоставимы с зарубежными практиками взаимодействий в сообществах (community). Наблюдая видимую часть проявлений социального участия, мы не всегда способны зафиксировать латентные, скрытые за повседневными рутинными практиками формы активности людей старшего возраста в собственном доме, на уровне локальных местных сообществ, в кругу своей семьи и друзей. Недостаточное внимание к формам латентного социального участия пожилых людей (а также опосредованного через семью, помощников, онлайн-технологии) или к национально-культурным особенностям может вести к искажениям и неточностям в его описании и анализе.

Важным моментом является самооценка социальной активности людьми старшего возраста, идентичность и ее артикуляция, что также имеет свою специфику. Россияне старшего возраста зачастую не задумываются о том, что они каждодневно вносят свой вклад в общество, в том числе через заботу о членах своей семьи, дружеские, соседские и семейные формы участия. Так, традиционно в России люди старшего возраста вносят существенный вклад в практики благоустройства территорий по месту жительства, в жизнь своей семьи, соседских, дружеских и иных локальных сообществ, не считая себя социально активными и не желая называться «общественниками». В ходе нашего исследования, по мере ответов на вопросы о разных формах участия, информанты пересматривали свое отношение к собственной активности, стали замечать соб-

ственный вклад. Идентичность старшего поколения с пассивной частью общества закрепляет стереотипы пассивной инертной старости, снижает статус и самооценки представителей старшего поколения, усугубляет эйджизм, возрастное неравенство, стратификацию и сегрегацию. Дальнейший поиск и описание разнообразных, в т. ч. скрытых, форм социального участия в старшем возрасте могут способствовать признанию вклада и повышению статуса людей старшего возраста.

Выводы

В результате столкновения с вызовами пандемии COVID-19 произошли трансформации образа жизни, повседневных практик, коммуникаций и культуры участия пожилых россиян. Одна часть обратилась к стратегиям неучастия в целях безопасного старения, другая переключила свою активность на собственные интересы и ближайшее окружение, третья предложила новые формы самореализации, солидарности и поддержки. С весны 2022 г. на фоне смягчения ограничительных мер наблюдается активизация процессов включения людей старшего возраста в социальные процессы и отношения. Но эти меры предлагаются преимущественно «сверху», возвращая прежние «допандемические» практики, игнорируя вопросы трансформации культуры участия и готовности людей старшего возраста к социальному участию или неучастию, их потребности и ожидания, мотивы и возможности, предпочтения в способах самореализации, организации свободного времени и социальной активности в постпандемическом мире. Таким образом, трансформировались формы и цели социального участия некоторых людей старшего возраста, что требует учета в социальной политике и практике.

Следующий аспект связан с тем, что люди старшего возраста являются крайне гетерогенной группой, что определяет широкий диапазон вариативных мотивов, форм и стратегий социального участия вследствие сочетания социально-психологических, ценностных и целевых особенностей с микро-, мезо- и макросоциальными условиями их жизнедеятельности. Так, образовательно-профессиональный статус, статус здоровья, условия проживания и пр. накладывают свои особенности на мотивы, предпочтения, цели, формы и направленность социальной активности старшего поколения. С другой стороны, социальное участие людей старшего возраста не всегда очевидно или реализуется в «видимых», явных формах. Социальные инициативы старшего поколения могут реализовываться латентно, неявно, в естественных, рутинных процессах и отношениях, в интимных пространствах собственного дома, своей семьи, ближайшего окружения или локального сообщества. Также стоит отметить, что россияне старшего возраста зачастую не задумываются о том, какой вклад они вносят каждодневно в жизнь своего окружения. Несмотря на регулярное и существенное вовлечение в религиозные и общественные формы благотворительности, развития территорий, в жизнь своей семьи, соседских, дружеских и иных локальных сообществ, пожилые россияне редко считают себя социально активными.

Полагаем, что в социальной практике формы социального участия людей старшего возраста распространены гораздо более широко, чем принято считать. Поиск и описание (прежде всего в форматах качественных исследований) разнообразных, в т. ч. скрытых, форм социального участия в старшем возрасте могут способствовать признанию вклада и повышению статуса людей старшего возраста. Понимание форм, мотивов, предпочтений, стратегий социального участия людей старшего возраста с учетом опыта переживания пандемического «замораживания» социальной активности и новых тенденций постпандемической «оттепели» позволит также оптимизировать поддержку и стимулирование социальной активности, продуктивно использовать потенциал стар-

шего поколения. Этот потенциал может быть успешно реализован как в интересах самого старшего поколения и формирования дружественной к возрасту среды, так и в целях устойчивого общественно-политического развития (например, развития территорий, институтов гражданского общества, гражданско-патриотического воспитания молодежи, возрастного социального предпринимательства).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Dehi M., Mohammadi F. Social participation of older adults: a concept analysis // *International Journal of Community Based Nursing & Midwifery*. – 2020. – № 8 (1). – P. 55–72. DOI: 10.30476/ijcbnm.2019.82222.1055.
2. Engaging older adults in environmental volunteerism: the retirees in service to the environment program / K. Pillemer, N.M. Wells, R.H. Meador, L. Schultz, C.R. Henderson, M.T. Cope // *The Gerontologist*. – 2017. – № 57. – P. 367–375. DOI: 10.1093/geront/gnv693.
3. Inventory and analysis of definitions of social participation found in the aging literature: proposed taxonomy of social activities / M. Levasseur, L. Richard, L. Gauvin, E. Raymond // *Social Science & Medicine*. – 2010. – № 71 (12). – P. 2141–2149. DOI: 10.1016/j.socscimed.2010.09.041.
4. Скалабан И.А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. – 2011. – № 1 (13). – С. 130–139.
5. Dance wherever you are: the evolution of multimodal delivery for social inclusion of rural older adults / A. Kosurko, R.V. Herron, A. Grigorovich, R.J. Bar, P. Kontos, V. Menec, M.W. Skinner // *Innovation in Aging*. – 2022. – № 6 (2). Igab058. – P. 1–12. DOI: 10.1093/geroni/igab058.
6. Exploring the benefits of proactive participation among adults and older people by writing blogs / M. Celdrán, R. Serrat, F. Villar, R. Montserrat // *Journal of Gerontological Social Work*. – 2022. – № 65 (3). – P. 320–336. DOI: 10.1080/01634372.2021.1965688.
7. Wiles J.L., Jayasinha R. Care for place: the contributions older people make to their communities // *Journal of Aging Studies*. – 2013. – № 27 (2). – P. 93–101. DOI: 10.1016/j.jaging.2012.12.001.
8. Григорьева И.А., Богданова Е.А. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. – 2020. – № 2 (12). – С. 187–211. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211.
9. Голубев А.Г., Сидоренко А.В. Теория и практика старения в условиях пандемии COVID-19 // *Успехи геронтологии*. – 2020. – Т. 33. – № 2. – С. 397–408.
10. Келасьев В.Н., Первова И.Л. Адаптация пожилых петербуржцев к ситуации пандемии коронавируса // *Успехи геронтологии*. – 2020. – Т. 33. – № 6. – С. 1016–1027.
11. Парфенова О.А. Самоизоляция пожилых в городе во время пандемии COVID-19 (на примере Санкт-Петербурга) // *Успехи геронтологии*. 2020. – Т. 33. – № 6. – С. 1027–1032.
12. Armitage R., Nellums L.B. COVID-19 and the consequences of isolating the elderly // *The Lancet Public Health*. – 2020. – V. 5. – № 5. – P. e256. DOI: 10.1016/S2468-2667(20)30061-X. URL: https://www.researchgate.net/publication/340051905_COVID19_and_the_consequences_of_isolating_the_elderly (дата обращения: 02.10.2020).
13. Prolonged social isolation of the elderly during COVID-19: between benefit and damage / B. Plagg, A. Engl, G. Piccoliori, K. Eisendle // *Archives of Gerontology and Geriatrics*. – 2020. – № 89. – P. 104086. DOI: 10.1016/j.archger.2020.104086.
14. Киенко Т.С., Птицына Н.А. Россияне старшего возраста в условиях рисков COVID-19 // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. – 2021. – № 4 (28). – С. 90–102. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-90-102.
15. Расширение возможностей («empowerment») людей старшего возраста в практиках самоорганизации и активности / Т.С. Киенко, Н.А. Птицына, Е.К. Маркова, М.В. Певная, Д.Ф. Телепаева, Л.А. Кайгородова, И.Н. Гнедышева, В.Р. Тихомирова, Д.В. Браверман, М.В. Лаптурова, А.Д. Акаева, М.В. Давыдова, А.В. Коптева. – Ростов-н/Д: Фонд науки и образования. – 2022. – 302 с.
16. Колпина Л.В. Социальный активизм пожилого населения Белгородской области // *Среднерусский вестник общественных наук*. – 2018. – № 13 (2). – С. 37–49. DOI: 10.22394/2071-2367-2018-13-2-37-49.
17. «Два клика – как это сложно» или вхождение в мир информационных технологий старшего поколения / З.А. Бутуева, О.В. Котоманова, А.М. Бадонов, Е.Б. Базарова, Н.Г. Лагойда // *Международный научно-исследовательский журнал*. – 2021. – № 1-3 (103). – С. 93–98.
18. Судьин С.А. Эмпирические исследования предикторов социальной активности в пожилом возрасте: попытка сравнительного анализа // *Старшее поколение современной России: Материалы междуна-*

- родной научно-практической конференции. – Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2021. – С. 86–90.
19. Fifty-five years of research into older people's civic participation: recent trends, future directions / R. Serrat, T. Scharf, F. Villar, C. Gómez // *The Gerontologist*. – 2020. – № 60 (1). – P. e38-e51. DOI: 10.1093/geront/gnz021.
 20. Багирова А.П., Бледнова Н.Д. Содержание и результаты прародительского труда в оценках уральских родителей // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки»*. – 2022. – № 1 (65). – С. 66–73.

Поступила 21.06.2022 г.

UDC 316.346.32-053.9:614.44

**OLDER PEOPLE AND SOCIAL PARTICIPATION: EXPLICIT AND IMPLICIT FORMS,
«BLIND SPOTS» AND TRANSFORMATIONS IN THE CONDITIONS
OF PANDEMIC AND POST-PANDEMIC REALITY****Tatyana S. Kienko,**
tskienko@sfedu.ru**Irina N. Gnedysheva,**
gnedyshevair@gmail.comSouthern Federal University,
105/42, B. Sadovaya street, Rostov-on-Don, 344006, Russia**Tatyana S. Kienko**, Cand. Sc., associate professor, Southern Federal University.**Irina N. Gnedysheva**, student, Southern Federal University.

***Relevance** of the article is determined by the fact that over the past two years, under the conditions of forced restraint of social activity of older people in the face of the risks of the COVID-19 pandemic, there have been changes in preferences and forms of their social participation. Since 2022, there has been a return to the previous «pre-pandemic» practices of participation of older people, but it occurs mainly without taking into account the pandemic experience and the transformations of the participation culture that have taken place. **The purpose** of the article is to discuss the «blind spots», explicit and implicit forms of social participation of older Russians and transformations of the participation culture occurring in the pandemic and post-pandemic period. Research methods: metaparadigm of critical gerontology, systems and comparative approach, active aging theory, questionnaire survey method. **The results** of the study allow us to talk about the transformation of the culture of participation of older Russians. So, some seniors have reduced their activity or turned to non-participation strategies in order to safely age. Others switched to their own interests, the interests of the immediate environment and local communities. Still others have become more active, offered new forms of participation and solidarity, gained experience in resisting restrictions and adapting to the pandemic and post-pandemic world. At the same time, there are implicit forms of social participation of older people in social practice, for example, addressed to intra-family or local social spaces, implemented in routine practices and not subject to reflection and evaluation. Despite the fact that older Russians make a significant contribution to the life of their immediate environment, communities, territories, they rarely consider themselves socially active, which reinforces the stereotypes of passive and unproductive old age. **Conclusions.** The discovered «blind spots» in our ideas about motives, factors, forms of social participation of older people determine new issues and promising tasks for the sociology of aging and social gerontology. Further study of various forms of social participation at an older age, primarily by qualitative methods, can contribute to the recognition of the invisible contribution and improvement of the status of older people, optimization and productive use of their potential not only in the interests of the family, local communities, but also for the development of territories, civil society institutions, civic and patriotic education of youth, etc.*

Key words: Older people, social participation, social non-participation, social involvement and engagement, culture of participation, COVID-19 pandemic.

REFERENCES

1. Dehi M., Mohammadi F. Social participation of older adults: a concept analysis. *International Journal of Community Based Nursing & Midwifery*, 2020, no. 8 (1), pp. 55–72. DOI: 10.30476/ijcbnm.2019.82222.1055.

2. Pillemer K., Wells N.M., Meador R.H., Schultz L., Henderson C.R., Cope M.T. Engaging older adults in environmental volunteerism: the retirees in service to the environment program. *The Gerontologist*, 2017, no. 57, pp. 367–375. DOI: 10.1093/geront/gnv693.
3. Levasseur M., Richard L., Gauvin L., Raymond E. Inventory and analysis of definitions of social participation found in the aging literature: proposed taxonomy of social activities. *Social Science & Medicine*, 2010, no. 71 (12), pp. 2141–2149. DOI: 10.1016/j.socscimed.2010.09.041.
4. Skalaban I.A. Social, public and civic participation: to the problem of understanding concepts. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*, 2011, no. 1 (13), pp. 130–139. In Rus.
5. Kosurko A., Herron R.V., Grigorovich A., Bar R.J., Kontos P., Menec V., Skinner M.W. Dance wherever you are: the evolution of multimodal delivery for social inclusion of rural older adults. *Innovation in Aging*, 2022, no. 6 (2), Igab058, pp. 1–12. DOI: 10.1093/geroni/igab058.
6. Celdrán M., Serrat R., Villar F., Montserrat R. Exploring the benefits of proactive participation among adults and older people by writing blogs. *Journal of Gerontological Social Work*, 2022, no. 65 (3), pp. 320–336. DOI: 10.1080/01634372.2021.1965688.
7. Wiles J.L., Jayasinha R. Care for place: the contributions older people make to their communities. *Journal of Aging Studies*, 2013, no. 27 (2), pp. 93–101. DOI: 10.1016/j.jaging.2012.12.001.
8. Grigoreva I.A., Bogdanova E.A. The concept of active aging in Europe and Russia in the face of the COVID-19 pandemic. *Laboratorium: Journal of Social Research*, 2020, no. 2 (12), pp. 187–211. In Rus. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211.
9. Golubev A.G., Sidorenko A.V. Theory and practice of aging in the context of the COVID-19 pandemic. *Advances in Gerontology*, 2020, vol. 33, no. 2, pp. 397–408. In Rus.
10. Kelasev V.N., Pervova I.L. Adaptation of elderly Petersburgers to the situation of the coronavirus pandemic. *Advances in Gerontology*, 2020, vol. 33, no. 6, pp. 1016–1027. In Rus.
11. Parfenova O.A. Self-isolation of the elderly in the city during the COVID-19 pandemic (on the example of St. Petersburg). *Advances in Gerontology*, 2020, vol. 33, no. 6, pp. 1027–1032. In Rus.
12. Armitage R., Nellums L.B. COVID-19 and the consequences of isolating the elderly. *The Lancet Public Health*, 2020, vol. 5, no. 5, pp. e256. DOI: 10.1016/S2468-2667(20)30061-X. Available at: https://www.researchgate.net/publication/340051905_COVID-19_and_the_consequences_of_isolating_the_elderly (accessed: 2 October 2020).
13. Plagg B., Engl A., Piccoliori G., Eisendle K. Prolonged Social Isolation of the Elderly During COVID-19: Between Benefit and Damage. *Archives of Gerontology and Geriatrics*, 2020, no. 5, pp. 104086. DOI: 10.1016/j.archger.2020.104086.
14. Kienko, T.S., Ptitsyna, N.A. Elderly Russians at risk of COVID-19. *RSUH/RGGU Bulletin. «Philosophy. Sociology. Art Studies» Series*, 2021, no. 4, pp. 91–102. In Rus. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-90-102.
15. Kienko T.S., Ptitsyna N.A., Markova E.K., Pevnaya M.V., Telepaeva D.F., Kaygorodova L.A., Gnedysheva I.N., Tikhomirova V.R., Braverman D. V., Lapturova M.V., Akaeva A.D., Davydova M.V., Kopteva A.V. *Rasshirenie vozmozhnostey («empowerment») lyudey starshego vozrasta v praktikakh samorganizatsii i aktivnosti* [Empowerment of older people in the practices of self-organization and activity]. Rostov-on-Don, Fond nauki i obrazovaniya Publ., 2022. 302 p.
16. Kolpina L.V. Social activism of the elderly population of the Belgorod region. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 2018, no. 13 (2), pp. 37–49. In Rus. DOI: 10.22394/2071-2367-2018-13-2-37-49.
17. Butueva Z.A., Kotomanova O.V., Badonov A.M., Bazarova E.B., Lagoyda N.G. «Two clicks – how difficult it is» or entry into the world of information technology of the older generation. *International research journal*, 2021, no. 1–3 (103), pp. 93–98. In Rus.
18. Sudin S.A. Empiricheskie issledovaniya prediktorov sotsialnoy aktivnosti v pozhilom vozraste: popytka sravnitel'nogo analiza [Empirical studies of predictors of social activity in old age: an attempt at a comparative analysis]. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Starshee pokolenie sovremennoy Rossii* [The older generation of modern Russia. Materials of the international scientific-practical conference], Nizhny Novgorod, 2021. pp. 86–90.
19. Serrat R., Scharf T., Villar F., Gómez C. Fifty-five years of research into older people's civic participation: recent trends, future directions. *The Gerontologist*, 2020, no. 60 (1), pp. e38–e51. DOI: 10.1093/geront/gnz021.
20. Bagirova A.P., Blednova N.D. The content and results of ancestral work in the assessments of the Ural parents. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*, 2022, no. 1 (65), pp. 66–73. In Rus.

Received: 21 June 2022.